

Eesti Kirjandusmuuseumi folkloristika osakond
Eesti-uuringute Tippkeskus
MTÜ Fenno-Ugria Asutus

Loodus – keskkond – kultuur soome-ugri võtmes

Keelest meeleni IX

Kristi SALVE 80. sünnipäevale pühendatud konverents
Eesti Kirjandusmuuseumis ja veebis
8. aprillil 2022

Ajakava ja teesid

Tartu 2022
EKM Teaduskirjastus

Koostanud: Nikolay Kuznetsov
Toimetanud: Asta Niinemets, Nikolay Kuznetsov
Kaane kujundanud: Andrus Tins
Kodulehe kujundanud: Andrus Tins
Kaanefoto: Alar Madisson
Küljendanud: Diana Kahre

Korraldajad:
Eesti Kirjandusmuuseumi folkloristika osakond
MTÜ Fenno-Ugria Asutus

Korraldustoimkond:
Salle Kajak
Maris Kuperjanov
Nikolay Kuznetsov
Mare Kõiva
Anne Ostrak

Konverentsi koduleht:
<https://www.folklore.ee/ri/fo/konve/2022/kristi/index.html>

Konverentsi läbiviimist toetavad Eesti Kultuurkapital, teadusprojekt EKM 8-2/20/3, Euroopa Liit Euroopa Regionaalarengu Fondi kaudu (Eesti-uuringute Tippkeskus TK-145) ja MTÜ Fenno-Ugria Asutus.

ISBN 978-9916-659-28-1 (trükk)
ISBN 978-9916-659-29-8 (pdf)

© Autorid 2022
© Eesti Kirjandusmuuseum 2022

Rahvusvaheline konverents „Loodus – keskkond – kultuur soome-ugri võtmes“ on Eesti Kirjandusmuuseumi folkloristika osakonna konverentsisarja „Keelest meeleni“ järjekordne sündmus. Konverentsil vaadeldakse looduse ja elukeskkonnaga seotud jms teemade kajastumist läänemeresoome ja teiste hõimurahvaste folklooris, kultuuritekstides jm.

Konverents on pühendatud ühe staažikaima eesti folkloori uurija Kristi Salve 80. sünnipäevale. Eesti folkloori ning meie lähemate keelesugulaste omakeelse pärimuse käsitlemise kõrval on K. Salvel jagunud huvi ja teadmisi ka muude naabrite suhtes. Ta on pööranud tähelepanu paljudele folkloorižanritele: rahvaluule lühivormidele oma mitmekesisuses, vanematele ja uuematele rahvalauludele, itkudele, muinasjuttudele, tema huvi on pärinud muistendid ja memoraadid, kalendripärimus ning paljud usundi ja kombestikuga seotud teemad.

Konverents toimub Eesti Kirjandusmuuseumis ning seda võib jälgida ka veebis.

Olete oodatud kuulama!

AJAKAVA

- 11.00–11.10 **Tõnis Lukas:** Tervitussõnad
- 11.10–11.30 **Irma Mullonen:** Фольклорные сюжеты в народной интерпретации „женских“ топонимов Карелии
- 11.30–11.50 **Irina Vinokurova:** Вепсская свадьба сельских предпринимателей (по материалам рукописи уроженца Шимозера К. А. Силакова)
- 11.50–12.10 **Zinaida Strogalschikova:** О материалах первой экспедиции М. И. Муллонен к вепсам (сентябрь 1961 г.)
- 12.10–12.30 **Risto Järv:** Rändavad tegelased, rändavad jutud. Muinasjutt „Nõel, kinnasja ora“ (ATU 90)
- 12.30–12.50 **Madis Arukask:** Viht, luud ja stiihiate tekitamine läänemeresoomlastel ja naabritel
- 12.50–13.10 **Mare Kõiva:** Sissevaateid putukate maailma – hingeloomad, etioloogiad ja rituaalid
- 13.10– 13.30 **Sirutuspaus**
- 13.30–13.50 **Galina Gluhova & Tatjana Vladõkina:** Обряды проводов / изгнания насекомых в календарном цикле удмуртов
- 13.50–14.10 **Nadežda Suntsova & Jelena Popova:** Дикорастущие виды растений в современных поверьях и обрядах бесермян

- 14.10–14.30 **Eva Toulouze:** Pühapaigad Kaama-taguste udmurtide juures
- 14.30–14.50 **Nikolai Anisimov:** Природные „индикаторы“ смерти в культуре удмуртов
- 14.50–15.10 **Julia Krašeninnikova:** Звери, птицы, рыбы: метаморфозы главных персонажей свадебного ритуала (на примере свадебных приговоров)
- 15.10–15.30 **Aleksei Rassõhaje:** Вклад коми писателя В. В. Тимина в собирание коми фольклора
- 15.30–15.40 **Liina Saarlo:** Näituse „Kassi helge kuju Eesti Rahvaluule Arhiivis“ tutvustus
- 15.40 **Õnnitlemine**

Фольклорные сюжеты в народной интерпретации „женских“ топонимов Карелии

Ирма МУЛЛОНЕН

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

В топонимии нередко утрачивается исходный мотив номинации, и на смену приходит ремотивация, предлагающая фольклорную версию истоков названия. В докладе рассматривается взаимодействие топонимической и фольклорной мотивации на примере трёх карельских „женских“ топооснов *Neičyt-* / *Neitsyt-* ‘Девичий’, *Akka-* : *Akan-* ‘Бабий’, *Nainen* : *Nais(en)-* ‘Женский’. Реальные истоки названий размыты. Первая основа привязана к скалистым островам с крутыми обрывистыми берегами (*Neičytsuari* ‘Девичий остров’), названия которых в народной традиции связываются с девушкой, сбросившейся в озеро с крутого берега из-за несчастной любви или гонимой преследователями (панами). Полагаем, что первоначально в названии актуализировалась сема ‘девственный, неприступный, нетронутый’, составляющая ядро лексического значения слова *neitsyt*. „Девственный“ (*neitseellinen*) остров в дальнейшем переосмыслился в ‘Девичий’. Основа *neitsyt* использовалась как метафора неприступного, нетронутого освоением места.

Мотивационное переосмысление топонима в русле фольклорного предания характерно для названий озёрных луд и небольших островов на территории центральной Карелии: *Akankivi* ‘Бабий камень’, *Akanluoto* ‘Бабья луда’, *Akansuari* ‘Бабий остров’. В соответствии с народной интерпретацией, на них муж в наказание высадил на ночь / на неделю / навсегда свою сварливую жену. Видимо, это одна из реминисценций известного сказочного

сюжета о строптивой жене и её укрощении. Реальная же основа названия связана с пейоративными коннотациями лексемы *akka*. Топооснова используется для названия объектов маленького размера, а сама лексема бытует в составе целого ряда сложных слов с пейоративной семантикой, в т. ч. *akan / virta* 'обратное течение, суводь', букв. „бабье течение“. Такие места с обратным течением обычно перспективны для рыбной ловли. Эта особенность проявляется и в названиях целого ряда озёр (*Akanjärvi, Akanlahti*). В ситуации утраты реальных мотивов номинации готовый фольклорный текст „притягивается“ к топониму.

Фольклорная ремотивация демонстрирует также характерное для народной топонимической пространственной модели втягивание в сюжет фольклорного текста названий смежных объектов. Народная традиция связывает название залива *Naislahti* 'Женский залив', расположенного в основании длинного мыса *Hiijenniemi* 'Чёртов мыс' в Северном Приладожье, с тем, что „чёртовы“ места были опасны для женщин, поэтому женщины высаживались из лодки, пересекали мыс пешком и выходили на его другой берег. Мужчины же оплывали мыс на лодке. Реальный мотив номинации утрачен. Возможно, он заключался в том, что путь напрямую существенно сокращался для путников (женщин), не обременённых грузом, а введение в мифологический контекст произошло в связи с включением топонима в сюжет *Hiisi*-. Топонимическая и фольклорная мотивация транслируют реальные пространственные отношения – каждая в соответствии со своими законами.

Интерпретация текста носителями топосистемы оказывается, таким образом, не менее информативна в плане культурного потенциала, чем примарная мотивация, отражая при этом другие пласты культуры.

Вепсская свадьба сельских предпринимателей (по материалам рукописи уроженца Шимозера К. А. Силакова)

Ирина ВИНОКУРОВА

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

В докладе предпринимается попытка приоткрыть завесу над такой неисследованной темой, как вепсская свадьба сельских предпринимателей. Обращение к данной теме оказалось возможным благодаря уникальному архивному источнику – рукописям К. А. Силакова о дореволюционной жизни вепсов Шимозерья – этнолокальной группы вепского народа, проживавшей в Вытегорском р-не Вологодской обл., которая в 1958–1959 гг. была вынуждена покинуть свои исконные места обитания и переселиться в деревни южного Прионежья, Приоятья и города. Шимозерская трагедия вызвала незатухающий интерес к этой группе, её истории и культуре со стороны потомков шимозеров, родившихся и выросших уже на другой земле, а также исследователей и туристов, постоянно посещающих эту территорию.

Автор обозначил свои рукописи как „книги“. Первая книга (74 листа) состоит из трёх повестей: „Живой цветок любви“, „Испытанная любовь“ и „Свадьба купеческой дочери“. Они посвящены теме заключения браков в шимозерских деревнях. Вторая книга (147 листов) включает 6 повестей: „Поп и религия. Новоявленная икона Божьей матери“, „Празднование Пасхи“, „Крещенская ярмарка“, „Бурлаки“, „Арест Михаила Родькина“ и стихотворения о родине. Третья книга не структурирована и состоит из 98 листов.

Представление К. А. Силаковым рукописей в жанре повестей, их названия и содержание позволяют отнести их к виду словесности, получившей в науке название „наивная литература“. При проведении анализа таких нарративов на предмет использования их в качестве этнографического источника важным представляется определение достоверности имеющихся фактов и выводов с учётом исторической реальности и условий создания текста.

Целью доклада является анализ повести К. А. Силакова „Свадьба купеческой дочери“ в контексте исторических и этнографических документов для получения достоверной информации об этой теме и исправления некоторых искажённых автором моментов. В число привлекаемых для контекста этнографических источников были включены и устные нарративы о крестьянской свадьбе шимозерских вепсов, которые при сопоставлении с текстом повести позволяют проследить процесс трансформации сельских свадебных традиций в новой социально-профессиональной среде.

В повести „Свадьба купеческой дочери“ рассказывается о церемонии заключения брака между Еленой Мартьяновой из д. Никитская (Сюрьга) – дочерью прославленного охотника Шимозерья Мартемьяна Петровича Мартьянова, скопившего на этом промысле капитал и ставшего предпринимателем, и Яковом Кручининым – сыном лавочника Семена Никитича Кручинина из д. Яковлевская (Гаршина Гора). Судя по документам, такая свадьба действительно состоялась 30 января 1909 г.

Контекстуальный анализ письменного нарратива продемонстрировал важность исследования „наивной литературы“ как уникального этнографического источника, позволил существенно расширить знания о быте сельских предпринимателей среди вепсов, в т. ч. малоисследованного Шимозерья. Некоторые из вошедших в рукопись свадебных обрядов содержат редкие подробности, обычно выпадающие из поля зрения учёных.

В начале XX в. в свадебной обрядности вепсов Шимозерья отчётливо проявлялась социально-сословная дифференциация. На свадебный ритуал сельских предпринимателей, ещё сохраняющий народную структуру и многие обряды, большое влияние оказали традиции городского купечества. Изменения коснулись состава свадебных чинов, а также материальных компонентов свадьбы, демонстрирующих достаток (мебели, венчальной одежды невесты, угощений), и музыкально-фольклорного сопровождения.

О материалах первой экспедиции М. И. Муллонен к вепсам (сентябрь 1961 г.)

Зинаида СТРОГАЛЬЩИКОВА

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Путь к вепсскому языку для Анны-Марии Муллонен был непростым. М. И. Муллонен родилась в 1930 г. в семье финнов-ингерманландцев в с. Орава под Ленинградом. В 1942 г. семья была эвакуирована в Сибирь, но после эвакуации не смогла вернуться на родину и в 1949 г. переселилась в Карелию. После окончания финно-угорской кафедры Петрозаводского университета в 1954 г. М. И. Муллонен работала на ней преподавателем, одновременно обучаясь в аспирантуре (1954–1957). В 1957 г. кафедра была закрыта и в 1958 г. она поступила на работу в Институт языка, литературы Карельского филиала АН СССР. В ИЯЛИ, как писал Г. М. Керт, „поощрялась работа по карельской и вепсской диалектологии, однако ни словом нельзя было заикаться о письменностях для этих народов“. Вначале ей был поручен сбор материала по карельскому языку в Тверской области, но после смерти Н. И. Богданова в 1959 г., под руководством которого в ИЯЛИ с 1955 г. проводилось изучение диалектов вепсского языка, темой её научной работы стал вепсский язык.

Первая поездка М. И. Муллонен к вепсам состоялась в сентябре 1961 г. в Винницкий район Ленинградский области в составе отряда В. В. Пименова. Работа велась в трёх деревнях: Озёрах, Ладве, Подовинниках (Азмозеро). Было записано более 60 текстов, большую часть из них составил фольклор. Самой яркой исполнительницей была Серафима Никитична Самакова, 1915 г. р. (Озёра), в доме которой остановилась М. И. Муллонен. От неё было записано

23 сказки, быличка, детская считалка, частушки. Знаком разных видов традиционных занятий мужчин (охоты и рыбалки) оказался Александр Семенович Матвеев, 1907 г. р. (Озёра). Его записи открывают сборник „Образцов вепсской речи“, изданный в 1969 г. Сразу за ними размещены восемь сказок С. Н. Самаковой, несколько частушек и один рассказ. Все последующие материалы, включённые в данный сборник и изданный в 1972 г. „Словарь вепсского языка“, собирались совместно с М. И. Зайцевой. Записи хранятся в фонограмм-архиве ИЯЛИ.

Материалы экспедиции М. И. Муллонен 1961 г. вошли и в другие тематические фольклорные сборники: в сборник „Вепсские народные сказки“ (сост. Н. Ф. Онегина, М. И. Зайцева, 1996 г.) включены четыре сказки, записанные от С. Н. Самаковой; в сборник причитаний „Käte-ške käbedaks kägoihudeks“ (Обернись-ка милой кукушечкой) (сост. Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова, 2012 г.) – пять причитаний, записанных у А. В. Пименовой (Озёра), М. К. Ершовой (Подовинники), А. М. Мишаковой и И. С. Стафеевой (Ладва). У них было записано и очень редкое по исполнению причитание в два голоса.

В настоящее время идёт подготовка к публикации всех материалов экспедиции М. И. Муллонен. Они войдут в сборник экспедиционных материалов по вепсам, собранных под руководством В. В. Пименова научными учреждениями Карелии в 1950–1960-е гг.

Rändavad tegelased, rändavad jutud. Muinasjutt „Nõel, kinnas ja ora“ (ATU 90)

Risto JÄRV

Eesti Kirjandusmuuseumi Eesti Rahvaluule Arhiiv

Rahvusvahelises rahvajutukataloogis on tüübinumbriga ATU 90 kirjeldatud muinasjutusüžee pealkirjaga „Nõel, kinnas ja orav“ (*The Needle, the Glove, and the Squirrel*) ning viidatud selle esinemusele soome, eesti, karjala ja mari rahvastel. Sellel loomamuinasjutuks liigitatud süžeel on mitmeid imemuinasjutule omaseid tunnuseid: kolm erinevat tegelast, kellest just kiduraim viib loo eduka lõppresultaadini; peakangelase poolt rännakul leitud esemete kaasavõtmine, mis hiljem osutuvad hädatarvilikeks. Samas meenutab korduvate vahelauludega lugu ka vormelmuinasjuttu. Soome arhiivivariante on osalt mõjutanud Eero Salmelaise muinasjutukogumikus „Suomen kansan satuja ja tarinoita“ (III osa, 1863) trükitud lugu „*Orava, neula ja kinnas*“, tüübi üheks esindustekstiks on ilmselt Maria Mihhejeva „*Orava, kinnas ta niekla*“ Karjalast (ee jutt „Orav, kinnas ja nõel“ kogumikus „*Karjala muinasjutte*“, 1958). Neis mõlemas esineb neljavärsiline vahelaul nõelapoolsest leiust ja kaaslaste kutsumisest, mis leidub ühe variandina ka soome runolaulude andmebaasis tüübinimega „*Orava, kinnas ja neula*“ (SKVR X 1).

Teiste rahvaste mitmete üleskirjutuste kõrval on Eestis kirja pandud üksainus tekstivariant 1934. aastal Setomaalt, jutustanud Jevdokia Palokene. Eesti *resp.* seto variandis on tegelaskujudeks nõel (*nõgõl*), kinnas ning kolmanda tegelasena ora. Kui tegelaskujude muutumine on muinasjuttudes ju tavaline, siis selle variandi juhul väärib tähelepanu tegelase ora homonüümiline sarnasus soome (*orava*) ja karjala (*oravu*) tegelaskujuga. Meie kurioosse tegelasloendiga tekstivariandis on tegu eri jututüüpide kontaminatsioonireaga ning puudub soome ja karjala muinasjuttudes esinev regivärsiline laul.

Eesti loomamuinasjuttude akadeemilise väljaande (2020) ettevalmistamise ning tüpologia korrastamise ajal otsustas töörühm üle võtta Pille Kippari kataloogis „Estnische Tiermärchen. Typen- und Variantenverzeichnis“ (1987) esindatud ainuvariandiga süžeed juhul, kui neil on rahvusvaheline traditsioon. Samas kerkis väljaande eri etappides mitmel korral taas küsimus, kas jututüüpi ATU 90 ikka tuleks eesti tüpoloogias kajastada. Ettekandes heidetakse valgust selle loo eri soome-ugri variantidele ning jutust ajendunud probleemidele muude muinasjutulaenude ja akadeemilise muinasjutuväljaande kontekstis.

Viht, luud ja stiihiate tekitamine läänemeresoomlastel ja naabritel

Madis ARUKASK
Tartu Ülikool

See ettekanne tõukub osaliselt mu oma tähelepanekutest koristamise ja pühkimise rituaalse tähenduse kohta läänemeresoome rahvastel, ennekõike vepslastel. Teisalt pean silmas Moskva etnolingvistilise koolkonna sellealaseid töid, kus on sedastatud, et luud (*resp.* viht) on slaavlaste kultuurikeeles seotud enamjaolt erinevate rituaalsete vormide ning vähemal määral uskumussüsteemiga terviklikult (Tolstaja 2010: 93). Esitan oma ettekandes siiski visiooni nende praktikate kosmagoonilisest olemusest traditsioonilises kultuuris.

Selle asemel, et keskenduda esemele ja selle tähendusele erinevates maagilistes praktikates, vaatlen esmasena tegevuslikku poolt – pühkimist eri situatsioonides, samuti saunapraktikaid. Nii pühkimisel, vihtlemisel kui pesemisel on oma kindel koht üleminekurituaalides, mälestamispraktikates, aga ka loomislugudes, mis kõik eeldavad mingi kvalitatiivse muutuse esilekutsumist sündmustikus, mille tulemiks või väljendajaks on olnud tuul või mõni muu stiihia. Prahil ja mustusel on olnud mütoloogiline tähendus ja kaal. Eeldan, et üsna hilise hügieeniõpetuse tekkimise eel on pühkimise (ja pesemise) puhul olnud esmane just tegevuse rituaalne, kosmagooniline külg.

Kirjandus

Tolstaja 2010 = Толстая, С. М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. Москва: Книжный дом „ЛИБРОКОМ“.

Sissevaateid putukate maailma – hingeloomad, etioloogiad ja rituaalid

Mare KÕIVA

Eesti Kirjandusmuuseumi folkloristika osakond

Ettekanne arutleb etioloogiate, uskumuste ja arhailiste rituaalide seoste üle ning vaatleb lõikumisi hingelooma usundilise kujutelmaga. Jutud ja uskumused on mõnigi kord väljendusrikkad ja näivad väljendavat olulisi universaale. Hingekujutelmad seostuvad mh liblikate, sipelgate, teatavate mardikate, lutikate jm putukatega, kes elavad inimese kehas või lahkuvad sealt hingeloomana une ajal, raske haiguse või surma korral. Need ei ole ainsad esinemisvormid, pärast surma külastab inimene kodu erinevate olenditena.

Putukate etioloogiad (tekkelood) on peaaegu eranditult vastandlikud: putukad on loodud nuhtluseks inimestele ja loomadele tolmust, mullast või tuhast. Vastandpoolusel paiknevad (parapiibellikud) tekkelood põhjendavad õigust privileegidele (nt tohib esimesena toitu maitsta, ei tohi tappa) ja kehtestavad teatavaid käitumisnorme.

Putukad võisid tekkida nõiduse teel – neid sai inimene ise luua, st elustada ja suunata kahjustama. Nende tekkimist seostati emotsioonidega (mure, kurbus, haigus, saatuselöögid) – sel juhul oli nende ilmumine endelise tähendusega (nt muretäid). Putukad võisid tekkida mustusest ja räpasusest – kui loetleda mõnesid aspekte.

Putukatega seotud folkloori pingestab uskumustik, et nad on mürgised ja ohtlikud, mis samas on uskumused soodustanud nende kasutamist ravimisel või stiihiate mõjutamisel. Mitmekesine ja universaalne on ka rituaalistik ja võtted, millega putukate levikut piirati ja neid eemale tõrjuti. Praktilise tõrjevõttestiku kõrval olid olulised sümboolsed praktikad: surnurongiga ärasaatmine, karistamine, matmine, põletamine,

loitsud ja miniatuursed dialoogi saatel esitatud praktikad.

Lähema vaatluse alla võtan ATU 576B ja lähedased uskumused.

Обряды проводов / изгнания насекомых в календарном цикле удмуртов

Галина ГЛУХОВА

Удмуртский государственный университет

Татьяна ВЛАДЫКИНА

Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ
УрО РАН

Комплексное изучение различных кодов обрядов помогает раскрыть семантику ритуалов, установить синхронно-диахронные аспекты календаря, даёт целостное представление о мифопоэтических основах народного мировосприятия. Рассмотрение специфики удмуртских календарных праздников и обрядов в контексте традиционной культуры позволяет по-новому взглянуть на факты их бытования, решить ряд мировоззренческих и культурологических проблем. В этой связи вызывают любопытство такие обряды, как *нумыр келян / уляян* (букв. 'проводы / изгнание гусениц'), *урбо келян / сюан* (букв. 'проводы / свадьба клопов'), которые в современной традиции уже не встречаются, но остались в памяти старожил. Традиционно они воспринимаются как окказиональные, проводимые только по необходимости, от случая к случаю, поэтому обрядовые сюжеты и терминология расшифровываются напрямую как уничтожение насекомых. Однако рассмотрение этих обрядов в контексте материалов народного календаря, связанных с мотивом изгнания, и свадебных ритуалов вкупе с мифологической семантикой их составляющих дают возможность пересмотра функциональной особенности вышеозначенных обрядов. По времени проведения изгнание / выпроваживание домашних насекомых и капустных гусениц строго укладывается в период от Великого четверга до начала августа. Возможно,

сезонная приуроченность „проводов / выпроваживания“ насекомых и их исторически поздняя связь с очистительными обрядами стала поводом для их восприятия только как обрядов „изгнания“. Но ролевые установки и действия участников, атрибутика, музыкальное сопровождение, символическая образность песен помогают раскрыть их архаическую семантику. Особенно ярко выражена свадебная символика анализируемых обрядов: имитируется свадебная процессия (батожок с колокольчиком вместо коня; переодетая невестой женщина; женщины с колокольчиками, тянущие сани с „невестой“), сопроводительным звуковым фоном является свадебный напев. Манипуляции с насекомыми (сбор насекомых в изношенный лапоть / коробок / лоскуток / капустный лист; выбрасывание в реку / овраг) отражают древние пласты мифологических воззрений на полисемантическую связь воды и её хозяев, реконструируемых на основании заклинательных текстов. Изучение обрядов проводов насекомых показало, что они полисемантически по своей функции, но наиболее архаичной является идея вызывания дождя.

Дикорастущие виды растений в современных поверьях и обрядах бесермян

Надежда СУНЦОВА

Ижевская государственная сельскохозяйственная академия

Елена ПОПОВА

Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ
УрО РАН

Мифологические представления и использование дикорастущих видов растений определяются их природными свойствами, строением, местами произрастания и также отражены в фитонимах. Доклад основан на экспедиционных материалах, собранных среди бесермян – малочисленного народа, проживающего в Удмуртии.

Апотропеическими свойствами наделяются различные группы растений. Среди них местные хвойные растения: ель (*Picea obovata* Ledeb., *Picea abies* (L.) H. Karst.), пихта (*Abies sibirica* Ledeb.), можжевельник (*Juniperus communis* L.). Ветки можжевельника ежегодно накануне Великого четверга вывешиваются у ворот, чтобы защитить дом и усадьбу от болезней и злых духов. Бусина из древесины можжевельника использовалась для защиты детей от воздействия нечистых сил, её подвешивали на шею или пришивали к одежде. Основание сучка ели используется при лечении грыжи. Пихтовым веником парятся при нейродермите. Возникновение этой болезни объясняется воздействием нечистых сил.

Защитными свойствами также наделяются виды, характеризующиеся высокой фитонцидной активностью: пихта *ньёлну* (*Abies sibirica* Ledeb.), рябина *палэзьну* (*Sorbus aucuparia* L.). Они применяются для защиты дома и человека от болезней и злых духов.

Особую группу составляют растения с колючими побегами, такие как шиповник *легеэньу* (*Rosa majalis* Herrm, *Rosa acicularis* Lindl.), мордовник шароголовый (*Echinops sphaerocephalus* L.), чертополох курчавый *кэй боддö* (*Carduus crispus* L.). Их использовали при лечении нервных расстройств, причину которых видели в колдовстве или нарушении пространственно-временных запретов.

К древесным растениям, достигающим крупных размеров даже при относительной недолговечности, например к берёзе (*Betula pendula* Roth, *Betula pubescens* Ehrh), относятся с особым почтением.

Растения, произрастающие вблизи сакрально обозначенных докусов, таких как берега рек, места выхода родников, священные рощи, кладбища, наделяются особым значением и часто отрицательной символикой. Сбор в большинстве перечисленных мест запрещён. К таковым относятся растения, растущие по берегам и связанные с представлениями о душах умерших людей, например ольха серая *лöлну* (*Alnus incana* (L.) Moench), букв. 'душа дерево', а также водные виды: кувшинка *тэйдö вумульö* (*Nymphaea alba* L.), кубышка *чуж вумульö* (*Nuphar lutea* (L.) Sm.) и др.

Мифическая детерминанта между природными катаклизмами и контактом человека с растениями обусловили возникновение табу на их сбор. Это виды растений, у которых сроки цветения совпадают с периодом грозовой активности в мае и июне. К примеру, существовал запрет на сбор калужницы болотной *гудöрисяська* (*Caltha palustris* L.), букв. 'цветок грома, грозовой цветок', цветущей в это время. Считалось, что сорвавшего её человека ударит молния.

Растения, связанные с обрядами народного календаря, обычно наделяются продуцирующими, лечебными, защитными свойствами. Веткой ивы (*Salix* spp.) утром Вербного воскресенья ударяют детей и членов семьи, домашний скот, чтобы те были здоровы. Накануне праздника

Ивана Купалы парятся новыми берёзовыми вениками с добавлением лекарственных трав, стараясь обеспечить здоровье на весь год.

Зачастую глубинный смысл возникновения обычаев, апотропейных свойств и мифических образов, связанных с определёнными видами растений, к настоящему времени утрачивается. Между тем их рациональная и иррациональная составляющие основаны на реальных биоэкологических свойствах конкретных видов.

Pühapaigad Kaama-taguste udmurtide juures

Eva TOULOUZE

Tartu Ülikool / Riiklik ida keelte ja kultuuride instituut (INALCO)

Nagu paljudel nn loodusrahvastel, on pühapaigad udmurtidel looduslikud kohad, kus nad palvetavad oma jumalatele ja kus pole suurt midagi lisatud inimese poolt. Kuni nõukogude võimu algusaegadeni oli udmurtidel komme palvetada reedeti oma hoovis ja seal asuvas pühahoones *kuala*. Praeguseks on üksikute talude *kualad* kadunud hoovidest – või on hoone alles, kuid nüüdseks ilma sakraalse funktsioonita, ning küla *kualasid* on Udmurdimaa territooriumil jäänud alles vaid üks.

Milliseid kohti on udmurdid valinud palvetamiseks? Vastus sõltub sellest, kelle poole nad pöörduvad või pöördusid. Mõned palvekohad on hiie moodi, eriti kus esitati palveid *keremet'*ile, ühele allmaailma jumalusele. See on säilinud mõnede muudatustega. Üldiselt paiknevad kohad mitte liiga kaugelt veest, mis võib olla jõgi või läte. Enamasti on seal ka puid, need on pühapuud, mis seisavad ammu, või on veel noored. Siis asendatakse neid ka sümboolsel viisil. Mõtisklen puude kasutuse üle pühapaikades. Kuidas on need paigad markeeritud looduses või kas nad on üleüldse markeeritud? Ettekanne käsitleb just neid küsimusi.

Природные „индикаторы“ смерти в культуре удмуртов

Николай АНИСИМОВ

Эстонский литературный музей / Удмуртский институт истории,
языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

Взаимоотношения мира мёртвых и живых в рамках традиционной культуры удмуртов имеют сложную коммуникативную систему. Важную роль в контактировании двух миров играют представители (животные, птицы, насекомые и др.) и явления (вихрь, удар молнии, продолжительный засушливый период, высыхание саженцев и пр.) природного мира, которые являются своего рода „индикаторами“ смерти. В народном понимании встречи с субъектами природного мира могут восприниматься по-разному. С одной стороны, контакт с ними может означать визит предков, намёк-требование о поминальном жертвоприношении. Подобные визиты, как правило, характерны в поминальные периоды (календарные и частные), но имеются также случайные (оказиональные) примеры. С другой стороны, аномальные явления (сильный шум со стороны реки, богатый и крупный урожай лука, хороший урожай грибов и пр.) и необычное поведение животных и птиц (курица кричит петухом, собака воет головой вниз, дикая птица залетает в дом или бьётся в окно и др.) могут указывать живым на скорую кончину, болезнь или несчастный случай, ожидающий адресата или человека из его близкого окружения. Встречаются также примеры, предписывающие кончину людей в случае разрушения объектов природного ландшафта (сползание части холма и пр.), сакральных объектов пространства (гибель сакральных деревьев, нанесение вреда или уничтожение природных мест молений и др.).

В традиционной культуре удмуртов подобные природные „индикаторы“ смерти при условии своевременного замечания и знания семантико-символических значений контактов адресатами информируют, с одной стороны, об инициации к общению предков с живыми и, с другой стороны, о приближении смерти, несчастья, болезни.

Источниками исследования послужили опубликованные материалы по данной теме, полевые материалы автора, а также личные наблюдения и опыт автора как носителя удмуртской культуры.

Uurimuse ilmumist toetas Eesti Kirjandusmuuseumi uurimisgrant ЕКМ 8-2/20/3 ning Eesti-uuringute Tippkeskus (TK-145) Euroopa Regionaalarengu Fondi kaudu.

Звери, птицы, рыбы: метаморфозы главных персонажей свадебного ритуала (на примере свадебных приговоров)

Юлия КРАШЕНИННИКОВА

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Одним из кульминационных моментов русского свадебного обряда является вход жениха в дом невесты и её получение. Противоборство „двух партий“ (Левинтон 1991: 213) (жениха и невесты) в довенечной части ритуала выражается как на акциональном (сторона невесты запирает двери, а сторона жениха пытается их открыть и пройти в дом), так и вербальном уровнях. В частности, представители жениха (дружка, крёстный отец жениха и др.) и невесты (брат, отец невесты, особый „староста“ и др.) произносили приговоры-диалоги перед закрытыми дверями дома невесты. Одним из сюжетов этих диалогов является бегство превратившейся невесты и погоня за ней жениха – в художественно-стилистическом плане эти тексты близки волшебной сказке. А. К. Мореева, анализируя „установившиеся мотивы и поэтические шаблоны великорусских приговоров“ (Мореева 1927: 112), обозначила этот мотив мотивом оборотничества (Мореева 1927: 118). Для текстов приговоров характерно самостоятельное добровольное превращение невесты и жениха, невеста всегда проходит через превращение, жених для получения невесты остаётся в человеческом облике или оборачивается вслед за ней. Невеста превращается в разных представителей орнито-, зоо-, ихтиофауны. Самым частотным является образ *белой лебеди* (кижско-пудожская, мезенская традиции), вторым по частотности является образ *щуки* (лешуконско-мезенские поздние записи 1970-х гг.), и образ *лисицы*, имеющий более дисперсное распространение и протяжённое

время фиксации. „Звериная“ группа образов является самой многочисленной, хотя в ней по большей части представлены единичные номинации: куница, горностаюшка, мышка, зайка. В „птичьей“ группе, помимо образа лебеди, отмечены утка, колпица, Кал-птица. Превращение девушки-невесты в *кольцо* – ещё одна особенность мотива оборотничества, которая сближает свадебный приговор и сказку. В перечне мест, куда отправляется превратившаяся невеста, называются докусы, имеющие в народных представлениях статус удалённого, опасного, чужого пространства – лес, море, озеро, поле, небо, острова, горы. Действия жениха в мотиве оборотничества различаются по степени приложения им усилий – жених самостоятельно добывает невесту или привлекает помощников, с которыми связан отношениями знакомства (поезжане, дружка, дружина) или случайной встречей, состоявшейся в процессе поиска невесты (образ чудесного помощника). В докладе рассматривается образная система текстов с мотивом оборотничества.

Библиография

- Левинтон, Г. А. 1991. Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог). – *Этнические стереотипы мужского и женского поведения*. Санкт-Петербург: Наука, 210–234.
- Мореева, А. К. 1927. Традиционные формулы в приговорах свадебных дружек. – *Художественный фольклор*, Вып. II–III. Москва, 112–129.

Вклад коми писателя В. В. Тимина в собрание коми фольклора

Алексей РАССЫХАЕВ

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

В историю коми фольклористики вписаны имена многих писателей, внёсших вклад в собрание коми фольклора. Одни из них записывали образцы устного народного творчества, будучи студентами Коми пединститута, к примеру, первый коми романист Василий Юхнин (*Луздор Вась*, 1907–1960), прозаик Яков Рочев (*Митрук Як*, 1909–1977), детский писатель Степан Раевский (1918–1996) и др. Некоторые коми писатели начинали свой творческий путь с исследовательского института. Так, в 1945–1947 гг. в Коми филиале Академии наук СССР научным сотрудником работал Геннадий Фёдоров (*Педь Гень*, 1909–1991), подготовивший „Шошкинские сказки“ в двух томах; в 1980-х гг. участником нескольких фольклорных экспедиций была Елена Козлова (1954–2022); два года в должности старшего лаборанта в секторе фольклора Коми филиала АН СССР (1965–1967 гг.) проработал Владимир Тимин (1937–2015), чей 85-летний юбилей в 2022 г. отмечают в Республике Коми.

В сектор фольклора будущий народный поэт Республики Коми, работавший с 1962 по 1965 гг. в Коми филиале академии наук СССР инженером, перешёл по приглашению известного коми фольклориста и литературоведа Анатолия Микушева. За недолгий период работы с коми фольклористами он успел побывать в двух фольклорных экспедициях (в Удорский район в феврале-марте 1966 г. и в Интинский район в июле 1967 г.), организованных для сбора песенных жанров для трёхтомного свода „Коми народные песни“ (изданы в 1966, 1968, 1971 гг.).

Материалы полевых исследований по р. Вашка в виде отчёта хранятся в Научном архиве Коми научного центра. В Институте языка, литературы и истории Коми НЦ хранится созданный в т. ч. при участии В. В. Тимина каталог коми фольклора, где собраны карточки о каждом фольклорном произведении с паспортными данными. Кроме этого, В. В. Тимин по заданию Коми филиала побывал в командировке в Эстонии, где раздобыл фольклорно-этнографические материалы, записанные в 1941–1942 гг. Паулем Аристэ от коми военнопленных.

Собирание коми фольклора оказало сильное влияние на его литературное творчество, о чём он сам пишет в дневниковых записях и воспоминаниях. О встрече с волками во время зимней экспедиции на Удору написано стихотворение „*Ёртом вёлкын*“ (На волоке в Ёртому). Эстонскому фольклористу Оттилие Кыйва, которая помогала ему во время командировки, посвящено стихотворение (переведено А. Туркиным на эстонский язык), а фамилия использована в его повести „*Эжва Перымса зонка*“ (Мальчик из Перми Вычегодской). Незабываемым В. В. Тимину остался разговор на Удоре со старожилом Изосимом Пантелеевым, встреча с которым дала импульс для написания историко-приключенческого романа „*Биармияса викинг*“ (Викинг из Биармии).

Märkmed